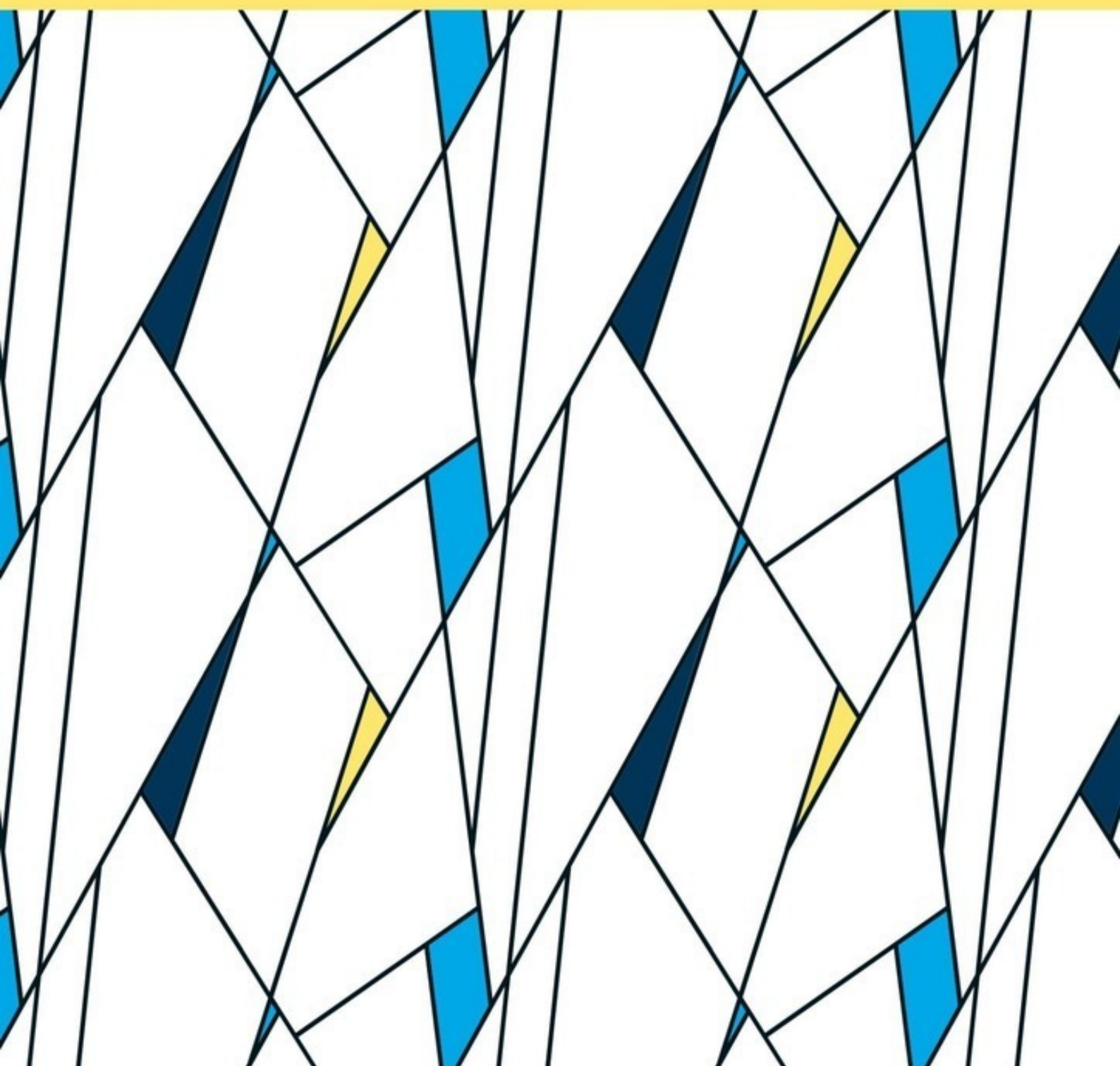

Илья Луданов
ФОРМА ЗЛА

Илья Луданов

Форма зла

«Издательские решения»

Луданов И.

Форма зла / И. Луданов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968707-4

«Форма зла» — повесть на грани жанров реализма и мистики, детектива и любовной истории, боевика и трагедии. Действие происходит в небольшом городе, где на фоне привычной обыденности разворачивается жестокая драма.

ISBN 978-5-44-968707-4

© Луданов И.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I	6
1	6
2	9
3	12
4	14
5	15
ГЛАВА II	18
1	18
2	20
3	22
4	24
5	26
6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Форма зла

Илья Луданов

© Илья Луданов, 2019

ISBN 978-5-4496-8707-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА I

Преображение – от старославянского прѣображеніе, калька с древнегреческого μεταμόρφωσις (метаморфоза).

1

Низко над землей, на бреющем полете, с ревом прошли два истребителя. Гудит в ушах. По уши в грязи они пробираются через кущи. Ветки хлещут по лицу, царапают руки. Всюду грохот взрывов, пальба. Он всё видит и чувствует – тяжесть рюкзака за спиной, как скользит автомат в грязных руках. Выходят на поляну. Теперь быстрее, быстрее. Впереди бежит парень, на вид они ровесники. Что-то шлепает по нему, парень отлетает в сторону. Вот он лежит в высокой жухлой траве и мелко дергает ногами. Нельзя смотреть, нужно бежать дальше, лейтенант орет, его не слышно, он знает об этом и всё равно орет, и всем понятно о чём он – что сам всех перестреляет, если они не будут бежать вперед.

Стрельба со всех сторон, стреляют по ним, стреляют они. Он тоже стреляет, сам не зная куда. В глазах всё трясется. Кричат уже все. Со стороны выскакивает отряд бойцов и кидается на них. Теперь либо они, либо их. Орудуют штыками. Кто-то хватается за него, но он успевает замахнуться и отбивается прикладом. Тогда другой бьет его сбоку, он падает на землю, автомат вылетает из рук. Вскикивает, оборачивается и получает удар штыком в грудь. Хватает дуло руками, смотрит на своего врага. Лицо его также перемазано, военная форма порвана. Враг хищно улыбается, радуется точному удару. Но что это? Где он видел это лицо, почему оно знакомо? Он понимает, что это отец. В форме, непохожий на себя, но это отец. Чувство холодной стали штыка в своей груди. Волна слабости по всему телу, точно хочется спать. Он смотрит на отца. Тот улыбается ему в умирающее лицо. Что-то в нём не то. В глазах, в их самой середине, там в глубине его глаз что-то горит, как головешка, горит огнем.

Алексей вздрогнул и открыл глаза. Вокруг всё тоже: сумерки утра, дорога, гул автобуса. В глубину погружаюсь, в густую смоляную глубину, – думал Алексей, подъезжая к городу. Недоспав, с гудящей головой и шумом в ушах, он выехал еще затемно и вместо того, чтобы уснуть, как все пассажиры, весь час дороги наблюдал в окно – как за обочиной становится меньше огней и хотя близится рассвет, вокруг всё темнее, а воздух гуще – и вот только вздремнул на минуту.

В старом, жестко прыгающем на разбитых остатках дороги автобусе не многолюдно. Со стороны водителя сквозь гул мотора пробивался приемник с известиями о передвижении войсковых частей. Чёткий низкий голос рассказывал о налете на какой-то поселок и жертвах среди мирного населения. Новости и голос звучали издали, невнятно, как из закрытой комнаты, о том, как где-то далеко от их автобуса, от этого сизого утра, что-то бурлило, кипело, самолеты бросали бомбы, в кого-то стреляли. Сколько я помню, сказал себе Алексей, всё время идет война. Далекая, почти незаметная в общей жизни война. Он не мог вспомнить где и какие шли войны за последние лет десять. Нынешняя шла ближе остальных, в далеком подбрюшьи страны. О ней жужжали каналы, докладывали о победах и армейских достижениях. Он мало что знал об этом. Война идет всё время и поделаться ты ничего не можешь – говорил он.

Теперь в автобусе фронтальные сводки мешали рассматривать женщину в черном. Она сидела через проход, правее Алексея. Черная юбка до колен и легкая, тоже черная, кофточка с глубоким вырезом на полной груди; пурпурная резинка в смоляных волосах довершала траурный образ. Алексей заметил ее перед выездом. Она стояла у автобуса и курила. В темноте

он видел только красный огонек и отблеск глаз, тоже черных, в слабом свете станционного фонаря. Тело чуть покалывало, он совсем не выспался, но через всё это почувствовал тягу к женщине. В автобусе Алексей смотрел на женщину и сквозь темноту салона пытался заглянуть в разрез кофты. В один момент ему захотелось просунуть ей в разрез кофты ладонь, ошутить налитость груди. Откуда это желание заспанным утром, в грузном автобусе? В таком его положении. Есть что-то в том болезненное, надрывное.

Автобус остановился где-то в полях, под одиноким фонарем у ларька. Свет упал на женщину, он увидел сморщенную, дряблую кожу в вырезе и брезгливо отвернулся к окну.

Нехорошо, думал Алексей, вот так одному. Жил семьей, в радости, и вот так остался. Глупость, может это всё непоправимая глупость, что они разошлись? Он не мог точно сказать, почему так случилось. Хотелось с кем-то поругаться, накричать на кого-то.

Мама с вечера поставила пироги и теперь кормила его теплыми, пухлявыми ватрушками.

– Как на работе, Леша? – они сидели на маленькой родительской кухне, оформленной скучным гарнитуром.

Он отвечал – всё в порядке, как отвечал всегда, когда работы не было.

– Осень скоро, у тебя куртка есть? – Мария Александровна бережно подкидывала ему вопросы.

– Есть, есть конечно, – когда она смотрела на него, Алексей шире улыбался. Лишь бы мама думала, что у него всё хорошо и ничего не нужно.

Рюкзаки собраны заранее, Иван Николаевич одет, в бодром, подтянутом настроении. Алексей торопливо переодевался в походное. Выходя, неестественно и криво улыбнулся маме. Каждый день живя одним и тем же, казалось, она расстраивалась не от чего-то гадкого и досадливого, а от привычного, из чего и состояли все дни.

С высоты третьего этажа Мария Александровна наблюдала, как они выходят из дома по протоптанной дорожке к окраинным переулкам. Снова сбилась и ничего не спросила. В семье мало говорили об Алексее и Ольге, боялись тронуть тему. Надо будет свахе, Ирине Петровне позвонить. Для самой себя она не хотела добавлять – бывшей свахе. Обе матери быстро подружились: обменивались рецептами, ходили вместе по магазинам, по праздникам встречались семьями, прошлым летом вместе солили грибы. Когда Мария Александровна с Иваном Николаевичем приезжали в областной центр, вместе навещали молодых.

Иван Николаевич тоже задумал поговорить с Алексеем как только узнал, что тот выберется к ним в субботу, на девятнадцатое, на первую зорьку. Думал завести разговор на выезде из города, когда тряслись маленьким квадратным автобусом по проселочным буеракам, но слова не получались, да и шумно. Алексей выглядел неважно. Сколько матери ни улыбайся, за завтраком ни шути, Иван Николаевич приметил замкнутое, словно набухшее лицо, ленивые глаза, вялые движения. Непорядок быть увальнем в молодости, крикнул про себя Иван Николаевич. Всяко бывает, что поделаешь. После разрыва Алексей приезжал к ним лишь раз, родители еще мало что знали и рассчитывали – всё решится к лучшему. В тот раз Алексей ничего не рассказывал, как в полусне прощатался день по городу и уехал.

Природа радовалась сытному лету, золотистым, жирным полям, густым, волнистым лугам. Расходилось солнце. Небрежно порванные облака темнели серединами, грозя зарядами небесной воды.

Проехав несколько остановок, пройдя мимо покореженных заводских заборов и осевшего в серость колхоза, утопшего в бурьяне, они собрали ружья у мелководной речушки. Берегами ее раскинулись свежееубранные, а где-то еще колосающиеся поля. Вдалеке гудели комбайны. Август надувал запахи позднего лета – сады дышали яблочной зрелостью, запруды престарелой тиной, в полях стоял дух пыльной соломы и теплого зерна.

Алексей забыл уже как вольно и спокойно в окрестных полях. Грело высокое небо, по берегам трещали редкие коростели. За перелеском, в трепещущей осиновым листом деревне, перекликались петухи. В минуты тишины хотелось остаться здесь. Сесть на пригорок, слушать деревню.

Они спускались по речке в надежде на случайные выводки уток под пышными ивовыми кустами, на стайки перепелок, забившихся в убранные копны, на шумных куропатов в островках крапивы и сплетенного красноголовника. Долго шли впустую. Лишь раз из-под ног у Алексея вспорхнул перепел, по кругу обошел охотника, и когда Алексей с разворота вскинул ружье, ушёл за край выстрела. Еще шагов через двести, заметив издали людей и громко шлепая по воде, поднялся выводок добротных, разжиревших на зерне, крякв. Поднялись далеко, стрелять было нельзя.

Алексей досадливо поглядел им вслед, буркнул что-то растерянное.

– Ничего, ничего, – улыбнулся Иван Николаевич. – Пущай летят. Будет еще всё. Повезло нам – погода какая! Хорошо.

– А у нас все по-прежнему, – Иван Николаевич не знал с чего начать. – А вы там как?

Алексею не хотелось говорить. Из ложбины русла они вышли к озеру, куда впадала речушка. Во все стороны раскинулась долина, утопающая буйных травах и поздних цветах. Было тихо, птицы давно отпели и наступало время когда звуков в природе становилось все меньше.

2

Темная и холодная, словно чужая и отталкивающая вода озера, далекое, с взбитыми облаками прозрачное небо. Всё ждало осени, первой изморози, промозглых дней, когда природа потеряет свежесть и станет медленно засыпать. А иноземный ветер будет убаюкивать ее.

У другого берега Иван Николаевич приглядел в бинокль крепко сбитый выводок уток. Решили обходить озеро. Но еще задолго до дистанции выстрела остроглазая стая поднялась и ушла за деревья. Ничего не говоря, они смотрели птицам вслед. Иссушенные солнцем, жесткие травы стояли по плечо, пробираться было нелегко, стало жарко. Здесь, в гуще лугов, под лучами последнего теплого солнца Алексей стал рассказывать отцу как всё было. Пробирались зарослями, и запыхавшись, отдельными рваными фразами, горячась и радуясь, что трудно выговаривать слова, Алексей рассказывал отцу как им с Ольгой было хорошо вместе, как думал, что всё наконец устроится; как верили и радовались, обдумывали устройство будущего, планировали работу, жилье, семью... Алексей говорил, как стал спокоен в осознанной части жизни и даже расслаблен – что мы так плохо умеем. Радость оглушила – пугающая, для них, молодых, легким трепетом внутри, но радость всё ж. Не то чтобы неожиданная, заговаривали об этом давно, думали когда лучше, когда готовы будут. Решили – пробовать, и если случиться – играть свадьбу. И раньше чем ожидали, чем ему казалось должно быть – так и застыли перед ним испуганные глаза ее и две полоски на пробнике. В больнице утвердились – и обрадовались. Успокоились и готовиться начали. Думали родителям сказать, но решили подождать неделю, самим для себя утвердиться, осознать вроде. Ольга пугливая те дни ходила – как быть, что делать? Что родители скажут? Не поспешили ли они? Многого Алексею не говорила, у него свое восприятие, свои мысли. Видел он – беспокойна она, мечется, переменялась. Испуг тот ее первый, настоящий, не отошел сразу от него – не то что не хочет она, нет конечно, и Алексей рядом, всегда поддержать ее готов, но в своей уверенности – сомнение еще. Это же другой момент совсем и сила тут другого порядка нужна, и ответственность.

В ту неделю и случилось. Утром, задыхаясь в испуге Ольга схватила его за руку – постель в крови. Он не понял сначала, думал, такое случается в беременности. По ней увидел – плохо что-то. С Ольгой жутко было в те часы, никогда он такой ее не видел.

Слезы, утешения. Он говорил вначале – вместе справимся, ничего, решим. А себе думал – не исправить, не вернуть уже. И чем дальше шли дни, тем больше угнетался он. Такое важное, решительное для них – и не случилось. Стал чаще вспоминать начальный испуг ее, и после, думал, чего же они родителям не сказали, – тоже знак? Да и она ли – хотела? И не от ее ли испуга, нервов, всё случилось? Не обвинял он, права не имел – знал это. Да только стали отдаляться они, точно он сам отошел от нее. Ругал себя за это после, за свою нерешительность, видел что сил у него хватило, как глубины дыхания не хватило поддержать ее – но это после. А тогда расширялась трещина, разрасталась. Они не ругались, не спорили, только холодная, загруженное невысказанным молчание хуже дурной ругани.

День за днем, неделя за неделей, и она первая его прогнала; сказала, так честнее будет. Поговорили – давай разъедемся на время. И получилось – обоим лучше стало. Не только ему, он видел – и ей. Знал, нет у нее никого другого, не было и у него, а только отдельно стало лучше. С того времени Алексей несколько месяцев как жил один.

Природа радовала богатством, всего в ней было вдоволь. «Полная чаша» – так говорят, думал Алексей. Продышавшись, они свернули от озера обратно к городу. Всё в ней в достатке, крепко сшито мастером. Талантливо сотворено; никто не жалуется, не плачется, просто живет. За наше короткое лето птенцы встали на крыло, взросло и налилось зерно в полях, окрепла первогодняя поросль. В природе сила, без слабости и сомнения. Не такими виделись люди.

У всех кого Алексей знал как-то не так, ущербно, не сыто счастьем. Не складывалось в отдельных жизнях, в семьях, среди всех людей. Жаль смотреть на отдельного человека, на поломанные семьи, на весь неуютный город. Таким неуютным Алексей видел и себя.

Он резко отпрянул – из под ног, точно комья земли, брызнули в стороны пестрые куропатки. Стая скрылась в ближнем овраге, за кустами.

– Там овраг влево уходит, – азартно встрепенулся Иван Николаевич. – Они могли туда пойти.

Овраг спускался к ручью и шел обратно к озеру.

– Я туда спущусь, по ручью пойду, а ты с другой стороны балку проверь, – Иван Николаевич скинул с плеча ружье и скрылся за кустами ивняка.

Алексей стал огибать кусты и пошел по краю оврага. Вошел в высокую траву, обошел сплетенные заросли, за которыми скрылась стая и вышел на старую грунтовую дорогу между полем и оврагом. Скинул ружье с плеча, снял предохранитель. Руки сжали приклад. Впервые сначала охоты он услышал как бухает в груди – он ждал, что вот-вот прямо из под ног с громким хлопанием – неожиданно, как бы ты ни готовился – бросятся в небо птицы и на выстрел будет секунда-две.

В момент напряжения на Алексея надвинулось всё его положение, все нервы прошлых месяцев. Привиделось лицо Ольги: красивое, строгое, молчаливое. С чувством вопроса и ожидания. Как же так у них вышло? Почему так? Он одернул себя, сделал злую гримасу. Как и все последние месяцы, одно наслаивалось на другое, копилось. Нужно вырвать это из себя. Вот зачем он приехал, вот почему предложил отцу открыть сезон. Не так уж он любит охоту, стрелять живность вовсе не хочется. А ездит сюда чтобы своих увидеть, в угодьях пройтись, и даже нет, не так, а только подышать в полях, между терпеливой землей и просветленным небом, где нет тяжести, нет проблем и тревог; здесь он чувствует волю, настоящую, не в документе прописанную, неназванную и, показалось вдруг, нет щемящей вины перед Ольгой, родной, настоящей, и внутри затихает, становится легко, прозрачно, можно думать во всю силу и удивляться окружающему.

Потому и хотелось на охоту – это всегда риск, выплеск, и можно освободиться от тяжести. Они где-то здесь, сейчас они взлетят, думал Алексей, и я выстрелю – с радостью освобождения и очищения. Даже странно, что их еще нет, куропатки любят сидеть по дорогам между лугом и полем.

Дорога делала резкий поворот и спускалась к ручью. Отец шел метрах в трехстах берегом речки, прочесывая заливной луг. Шагов через десять с его стороны раздался хлопок. Иван Николаевич стоял с ружьем в руках, через речку перелетала стая куропаток и было непонятно – взята птица, либо промах. Алексей закинул ружье за спину и побежал к отцу.

За поворотом на дороге увидел лесную горлицу. Когда-то они ходили на крупных лесных голубей – вяхирей – добыть которых считается удачей. Ставили чучела на полянах, мастерили засидки... Сейчас перед ним на дороге, собирая зерна, сидела белая горлица – чуть меньше городского сизаря. Алексей на миг замер, потом с остервенением соврал со спины ружье, вскинул к плечу и не целясь выстрелил. Голубь упал на бок и задергал крылом. В ушах стоял легкий свист, словно отдаленный птичий крик. Алексей подошел к голубю. Молочно белая горлица уже затихла. Птица лежала на боку, поджав крылья и лапы. Черные глаза ее смотрели на него. Можно было думать, что птица отдыхает на последнем в это лето солнышке, если бы не два алых пятна на ее груди и черная капля на кончике клюва.

Он хотел взять ее, но отдернул руку. Зачем стрелял, он же не хотел? Алексей наклонился над птицей и подумал, что ничего красивее не видел. Горлица была словно девушка. Аккуратная белая головка, стройная шейка, маленькое, округлое, с кулак, тельце. Такого голубя Алексей не встречал в их местах, и теперь не мог отвести глаз. Как ты оказалась здесь? Зачем тебе этот город, эти люди? Алексею захотелось скорее уйти и не видеть ее. Мысль о том, что он

должен забрать голубицу в виде трофея пугала. Для этого нужно взять ее тело в руку, положить в рюкзак и нести по дороге, зная, что она лежит за спиной и из ран ее вытекает кровь. Дома нужно взять птицу, обдать кипятком, чтоб шел пар, и выдергивать липкие белые перья в таз. Затем отрезать голову, лапы, опалить на газу тело и видеть сизые пятна на груди. Положить тушку на доску, разрезать ножом брюшко, вычистить потроха, достать органы, сердце, срезать грудное мясо, отделить окорочка, все это промыть в розовой воде, сложить в мешок и убрать в холодильник. Все эти обычные на охоте действия теперь казались Алексею невозможными, он не мог сделать с голубицей это.

От ручья махал и что-то кричал отец. Нужно было говорить ему про выстрел, решать с горлицей. Алексей бережно взял ее тельце на ладонь. Почудилось, оно вздрогнуло в руках.

Отец издали видел, что он несет добычу и улыбался.

– Чего стрелял-то?

Алексей скорее отдал ему горлицу.

– Красивая, – поднял Иван Николаевич горлицу. – А у меня поднялась стая, та самая – и через речку! И как в присказке – бац, бац и мимо, – смеялся Иван Николаевич, радостный удаче Алексея. – Теперь-то не достать.

По другому берегу, куда ушла стая, насколько хватало глаз стоял высокий бурьян.

– Да, видно – не судьба, – пожал Иван Николаевич плечами и ловко убрал горлицу в походный вещмешок.

Они вернулись на дорогу и двинулись к городу.

Немного в стороне располагался обширный дачный массив из участков, что давали заводчанам в шестидесятых годах. Участки помогали городским картошкой и зеленью, иные смельчаки умудрялись растить помидоры и подсолнухи, чтобы лузгать на лавочках своё. В последние времена молодые в суе не находили сил огородничать. Грядки стояли в запустении.

Куропатки на дачах расплодились во множестве. Когда Иван Николаевич предложил зайти туда напоследок, Алексей заметил как у него дрожат руки. Сегодня он стрелять больше не сможет. Никакого чувства свежести не осталось. Он всё думал о горлице. Зачем он взял птицу? Нужно был отнести ее в вольное поле и отпустить в пшеницу. Она бы лежала там, ветер шевелил ей белоснежное оперение, жемчужный глаз смотрел в небо. А после старый ворон порвет ей грудь черным клювом, насытится густой кровью и проживет еще полвека.

Алексей сказал, что на дачи не пойдет, что ему нужно в город. У дач, где расходилась дорога, они разошлись. Слегка косолапя, отец зашагал между серых белесых заборов. Иногда Алексею казалось, что родители заметно постарели и вот-вот совсем сдадут. Теперь он смотрел на отца с улыбкой – столько в нём еще было сил, даже резвости! Может, у них еще всё получится, решил он и свернул к торчащим из-за перелеска трубам городских котельных. У окраинных переулков он сложил ружье и убрал в рюкзак так, чтобы не было заметно, что он несет.

3

Словно готовясь к тянучей, пасмурной осени и промозглой зиме в две трети года, наши горожане любят прогуляться, запасаясь впрок солнечным теплом. Этим особенны вольно раскинувшиеся по лесостепной (между лесистым Севером и степным Югом) равнине многочисленные городки – летом они не пустеют, на отдых по безденежью уезжают немногие, а если, поднакопив, решаются – то ненадолго и в разное время. В тот же день, на Яблочный Спас, в городе ощущался не то чтобы праздник (церковная суть которого нашим горожанам далека), а приподнятое настроение, навеянное доброй погодой.

А ведь пусть и праздник, размышлял себе Алексей, когда на перекрестке у главной улицы заметил бойкую торговлю яблоками в наспех сколоченном рыночном павильоне. За крашеными дощатыми прилавками сидели торговки. Одни – битые временем старушки, глядящие морщинистыми глазами, сидели по привычке, с ощущением традиции, что так нужно – выйти в этот день торговать яблоками, и продажи для них, казалось, неважны. Другую часть составили дородные женщины около сорока лет, вышедшие из возраста когда торговать посреди города стыдно, а торговать «по привычке» неинтересно. Они стояли за выручку, скалили зубы в сторону гуляющих холостяков, зазывали покупателя, и так озорно, отзываясь хлесткой шуткой, перекликались, как умеют лишь тертые торговки, что можно было думать – нахваливают они не румяные яблоки, а самих себя и больше хотят заручиться выгодным знакомством, чем сделать навар.

Яблок было вдоволь. В майские победные дни цветения садов заморозков не случилось, и тогда же отец в первый после разрыва с Ольгой приезд Алексея с довольством говорил, что урожай – будет, еще и рогатины подставлять под ветви придется, чтобы не ломались под тяжестью плода.

И вот на прилавках и в ящиках неровными пирамидальными насыпями поблескивали зрелые разносортные яблоки. Хороша была, румяна с боков, к спасу мельба; то же пурпурный штрифель – глаз радуется, видя, что вырастает на солнце за лето. И сами наливные, продащицы искренне радовались урожаю, как верному итогу лета. К спасу подоспела медуница, тут же над прилавками распространялся свежий дух (мёд уже во всю качали, свозя с окрестных деревень и выездных пасек). Лежала рядом бойкая, устойчивая в морозы орлинка и вышедшая из розового майского цвета, словно японская вишня, грушевка. Точно лакированные, плоды хотелось тронуть рукой, ощутить их свежесть. Алексей обмывал взглядом насыпной товар. Хотелось радоваться зазывным улыбкам продащиц, в которых, вместе с заметной по глазам тяжести прошлого, чуялась сила, будто бы они всё лето грелись на солнце и весенняя их бледность налилась светом.

На перекрестке скопление людей. Разных возрастов, они стояли группами по знакомству, негромко переговаривались и чего-то ждали. Он остановился посмотреть. Настроение здесь было совсем иное, чем на рынке. Взволнованно перешептывались или осмотрительно помалкивали, и Алексея снова обдало взволнованное пружинистое напряжение, которое все последние месяцы ходило рука об руку с людьми. Настороженным, по-охотничьему чутким слухом Алексей улавливал обрывки слов, точно выдохи, разговоры о новых бомбежках, наступлении и пропавших солдатах, о новом наборе в армию. Невнятные, скользкие фразы сливались в единый, полный глубоко зарытым страхом шорох, который гудел в толпе словно эхо далекого фронта. Эта непонятная война шла уже так давно, что к ней привыкли, как к снегу зимой, и мало кто уже помнил почему и с чего она началась.

Все чего-то ждали, и было ясно, что это связано с войной. Пробравшись к дороге, Алексей увидел, как из-за дальнего поворота на перекресток выдвигается Крестный ход.

Это было редкостью в их местах. Поговаривали, что по войне решалось что-то в эти дни, и церковь звала молиться за прекращение междоусобицы – как говорили на службах. Алексей смотрел на ход без каких-то особых чувств и мыслей, вполне равнодушно, лишь глядя как устроено действие.

Впереди шли два священника в торжественном облачении. Один, лет шестидесяти, с широкой бородой с проседью, другой сильно моложе, с короткой густой бородкой, аккуратно стриженной. Пожилой священник был хмур, смотрел под ноги, обеими руками держал за древко большой крест. На трех его оконечностях были изображены святые лики. Алексею особо запомнились изображения ликов, словно приставленных к оконечностям креста.

Молодой священник чистым светлым выражением смотрел на окружающих открыто и добро, чтобы все могли прочесть на его лице, что он хотел сказать. Прижав к груди, в руках он нес старинное Евангелие в окладе. Церковнослужителей в окрестности было немного и потому иконы святых несли прихожане. Завершая процессию, еще двое священников несли иконы Богоматери и Спасителя.

Когда ход поравнялся с Алексеем стих шорох перешёптываний, все смокли и смотрели на священников с крестом и Евангелием. Тогда стала слышна песня, которую сильным грудным голосом начинал молодой священник, старый же пел словно для себя одного. За ними подхватывали идущие вслед миряне с иконами низшего чина. Пели тихо, не совсем едино, но слова разобрать было можно:

*Соединив в Себе две природы неслиянно,
Ты показал на горе Фаворе / уголь горящий Божества,
Сжигающий грехи, но души просвещающий,
И тем изумил Моисея с Илиею / и верховных учеников...*

Алексей наблюдал за собой и своим отношением к Ходу – почувствует ли что? Он рассматривал Ход, слушал песню и не ощущал в себе чего-либо, что, наверное, следовало ощущать православному верующему или воцерковленному. Внутри его было покойно и недвижно, чувства присмирели, как окружающие его горожане.

Только раз, посреди хода, Алексей вздрогнул. Вспомнил, что в рюкзаке за спиной ружье. Он не мог сказать, почему ему стало не по себе, и не знал что в этом запретного, но испугался находиться с оружием среди оживленной улицы и церковного действия с участием людей с тихими и спокойными лицами, поющими духовные песни. Пусть ружье и разобрано, патроны отдельно, никакой опасности, и конечно в их городке никто не спросит его. Но только ход прошел и крест с ликами во главе скрылся из виду, Алексей поспешил домой.

В квартире мамы не оказалось. Непонятно, она говорила, что будет ждать их, заниматься обедом. Алексей достал из рюкзака и спрятал в сейф ружье. Тяжелый и прохладный металл казался тяжелее обычного. Ружье красивое, мастерски изготовленное, только вдруг эта промышленная красота опротивела ему и стала неприятна. Вспомнилась горлица. Он всё не мог забыть о ней.

На плите стоял теплый борщ. Алексей набрал номер мамы, вызов шел, но без ответа. Может тоже пошла Крестный ход смотреть? Но это было не в ее привычке. Он решил обедать, чуть отдохнуть и наконец собираться на спектакль в театр, где не был больше года, и куда решил обязательно сходить еще перед поездкой.

4

Движения внутри стали резче и сильнее. Ольга клала ладонь на круглый живот, замирала и слушала. Движения стихали и это раздражало – хотелось слышать ответ теплу и ласке руки. Ночью ломило спину между лопаток, а сейчас, утром, вместо привычной легкой тошноты после завтрака обжигала изжога и хотелось спать. Два дня уже не было предвестников и это беспокоило. Обычно, именно по утрам она чувствовала как все натягивается внутри, пару минут тянуло и проходило.

Расстроенная изжогой, усталая после беспокойного сна, она приняла душ, снова легла и задремала. Ей снился какой-то человек вдалеке посреди огромного сочно-зеленого поля. Лица его было не разглядеть.

Совсем просветлело, за окном шумел город.

Она ощутила как из нее что-то вытекает и увидела мокрую от вод простыню.

– О, господи.

Схватила телефон. Мама ответила нарочно спокойно, словно дочь рожала каждую неделю, по расписанию.

– Оля, всё хорошо. Вызывай, милая, скорую и собирайся. Адрес помнишь? Я сразу в больницу.

Нужное было давно готово. Документы и вещи собраны в два пакета у входной двери. Много раз оговорено и обдумано, и всё же когда Ольга звонила, едва попадала пальцами по кнопкам. Во рту высохло и язык шевелился вдвое медленнее положенного, диспетчеру трижды пришлось переспрашивать адрес. С глазами как у кошки, бледная, то ли от своего положения, то ли от того, что не успела накраситься и взлохмачена, Ольга вышла с вещами из подъезда навстречу машине скорой помощи.

В утренний час движения на работу улицы заполнены. Ольга смотрела на легко одетых горожан, забитые и коптящие железом перекрестки, темные от густоты пассажиров автобусы и троллейбусы, и удивлялась тому, куда все и зачем едут. Многолюдность не казалась вредной или лишней, она просто смотрела большими взволнованными глазами на всех и не понимала. Когда проезжали мимо толстостенного белого монастыря с резной деревянной крышей подворья, захотелось вдруг перекреститься, чего она обычно не делала.

– Малыш, ну как ты там, заскучал? – Ольга положила руку на живот и всем телом, от пяток до кожи головы ощутила сильную и решительную схватку, какой еще не бывало.

5

Мария Александровна находилась далеко от дома. В том же автобусе, что привез Алексея, она ехала в областной центр и думала как всё может резко повернуться и случается всегда совсем не то, чего боишься, а чего не ждешь.

Еще утром, как Алексей с Иван Николаевичем ушли, ей овладело беспокойство. Причину угадать было нельзя. По определению, как всякая мать и жена, она переживала просто от того, что они с ружьями ушли бродить бог знает куда. Но в ее тревоге слышалось большее. Конечно, последнее время всем было неспокойно. Стоит посмотреть с вечера последние известия чтобы заработать нервную болезнь. Но к этим пунктам добавилось беспокойство ожидания нового. Раза два она порывалась звонить Ивану Николаевичу, узнать всё ли в порядке, хотя никогда не звонила ему на охоте. Мария Александровна взяла телефон, но в тот момент трубка сама запиликала в ее руках. После короткого разговора она быстро собралась и пошла на вокзал.

Звонила Ирина Владимировна, которую Мария Александровна про себя называла «свахой» и с которой до последнего времени приятельски перезванивалась. Мать Ольги была деятельной, уверенной в решениях женщиной, чуть старше Марии Александровны. Обе сильно переживали разрыв Ольги и Алексея, жалели семью.

Разрыв – в резкий, словно разрез на теле семьи, на время даже сблизил матерей. Они часто созванивались, пытались говорить с Ольгой и Алексеем, но молодым было не до них. Тогда Мария Александровна увидела пропасть между сыном и матерью, которая не замечалась раньше и поразила тому, как эта пропасть разрослась до таких размеров, что и не слышно слова с другой стороны. Она как-то быстро приняла это. Еще раз-два говорила с Ольгой, перезванивалась с Ириной Владимировной, но все реже, и скоро отошла в сторону, решив, что помешает и возбудит злость. И только скорбь по неслучившейся семье буравила сердце.

И вот Ирина Владимировна без вступлений огорошила ее новостью. Ольга в роддоме. Ты прости мать, не могла против нее тебе раньше сказать, как волчица на меня кинулась, не смей говорит, не думай даже. Отчего понять не могу, не знаю, но сила бешенная такая, психоз najwyżший, бог мой что творилось. До смерти она не хотела, чтоб Алексей знал. А теперь что ж. Какая – всё сама. И говорит еще – позвони Марии Александровне, скажи. Пусть, если хочет, приезжает. Только просит до родов Алексею не говорить. Он не знал, и не время еще. Так что приезжай одна пока, а Леше скажем, как срок подойдет.

Столько волнения и страха в голосе Ирины Владимировны, Мария Александровна даже не обиделась. А что если бы они знали? В этом непонятном, строгом решении Ольги на пороге материнства виделось что-то верное. Но хотелось и всплеснуть руками – как же так – уже и роды! Оля в больнице, а никто не знает.

Мария Александровна отключила разговор, как подумала, что едет к внуку. Внуку. Волнения захлестнули ее. Теперь ей есть что делать, есть за кого волноваться. Тут только поняла, что Ирина Владимировна сказала – у Ольги мальчик. У Алексея – сын. Проверки показали отличное здоровье, все хорошо. Внук. Она поверить не могла. Наверное, был бы Алексей женат, была б семья, она думала об этом, ждала. Но теперь это и подумать было нельзя. Как же – внук! Существование этого крохотного человека где-то там, еще в материнской утробе, взволновал ее больше, чем все сообщения, что Ольга в роддоме, что ее Алексей – отец, и она – бабка. Где-то там, думала она и не могла верить, уже есть этот совсем живой, родной человек, и значит всё не зря.

Она тут же решила ехать. Оставила обед, собралась, еще раз позвонила Ивану Николаевичу, но тот оказался недоступен. Она не удивилась – сигнал за городом работал слабо. Что же, она поедет одна. Еще многое неясно, и Ольге неслучайно просила не говорить Алексею.

До областного центра Мария Александровна добралась скоро. Еще вчера все эти хмурые, обеспокоенные лица на улицах показались бы ей обыкновенными и привычными. Но теперь, в ее новом настроении, эти нервные выражения, перешептывания о вестях с фронта, слухи о новом наборе в армию, и главное то, что всё это произносилось исподтишка, полушёпотом, все перемолвки, что нам врут, всё не так, война не нужна, статистика лжет, под бомбами нашей авиации гибнут дети, и всё, что она сама еще вчера по-соседски обсуждала в очередях, теперь казалось ей чуждым и не естественным.

Только вчера с Иваном Николаевичем они говорили об этой затяжной, но нужной для страны войне – гаранте безопасности, опережающем ударе – как говорили в новостях. И потери есть, но что поделать (на войне как на войне), ничего, перетерпим. Матерей погибших им, конечно, не показывали. Зато было много отличной военной подготовки, дружного солдатского быта на передовой – вот они, герои. Сколько верности отечеству! И только в этот час, узнав о малыше, она подумала: а зачем всё это? Отправляют ребят, два, нет три года назад был первый набор, и в их городке, с их двора взяли Сережу (с Алешей учился) и пусть она его почти не знала, он где-то там, в каменных пустынях, под пулями... и Нина Сергеевна, его мама, так и сидит на лавке у подъезда, у всего дома на виду, и молчит. У дворовых там раньше базар-вокзал был – соберутся соседки и давай всем кости перемалывать. А нынче сидит она там, как перст указующий (а сколько их таких), стороной все обходят, детей от нее уводят, боятся также оказаться, и нехорошая такая тишина у подъезда с тех пор. Вот так придут тоже и Алексея затребуют – первый раз, вдрогнув, (почему только теперь?) подумала Мария Александровна.

Теперь нужно было думать как скорее добраться к Ольге, и мысли растерялись. Пройдя маршрутками, Мария Александровна вышла у роддома. В приемной ждала Ирина Владимировна. Встретились тепло, едва не обнялись. Ольга писала в сообщениях, что врачи пока решили ждать. Отправились к Ирине Владимировне домой пить чай и ждать новостей. Мария Александровна увидела, что звонил Алексей, но не перезвонила, и только написала, что всё хорошо, она ушла по делам и к вечеру вернется. Звонить она боялась, думая, что не выдержит и выдаст себя. А это нужно было делать раньше, если бы она знала, почему Ольга не хочет рассказывать Алексею.

Ольга пронесла мысли об Алексее через месяцы и сразу, как узнала, решила – не сделает ребенка причиной насильного брака. Лучше мать-одиночка, говорила она себе, лучше одной воспитывать малыша, чем в подозрении и нелюбви, чтоб он рос среди мелких грязных склок, среди враждебного молчания. И повторяла – нельзя за счет ребенка склеивать семью.

Да, было несчастье, страх большой, и никто так долго и так терпимо не вынес это в себе как она с минуты, как увидела кровь на постели. Не передать что было в ней. Кто не как она хотел, пусть и растерянно, ребенка, как не она выносил в себе желание его? И почему так, в чем причина – не могла сказать. Сколько про себя не спрашивала – не было ей ответа. Врачи разводили руками – бывает. И может, все бы ничего, и обошлось, если б с Алексеем получилось. Зачем он так? – думала она. Отдалился, охладел. Она думала – винит ее, что не смогла выносить. Но так не знает же никто почему, уж никто как она так не хотел.. от того незнания была у нее надежда, что дело не в ней, не в нём. Что – необъяснимое несчастье, из тех, что случаются и не сказать кто виноват. Потому была надежда в ней. И вот Алексей.. Огрубляя, она считала – бросил ее. Знала, что сложнее всё, что не так просто, и сама она сгоряча наломала всякого – но сама с собой винила всё ж его. Потому, как настал момент, порвала сама, первая, и прогнала – чего уж – винила и простить вот так за раз не думала.

И вот снова появился шанс, она узнала о ребенке. Мысли ее стали отходить от Алексея. Она больше думала о будущем. Не рассказывала ему. Едва выдержала, когда они разъезжались. Чувствовала – нужно сказать, но – выдержала. Она так и называла это – «выдержать». И напрягала все силы. Когда смогла и они перестали встречаться, а после и разговаривать, Ольга даже

почувствовала новые силы, закалку. И матери долго не говорила. Так себя и «держала», пока не стал округляться живот, а когда рассказала, со скандалом заявила – молчи и ты. Испугавшись за ребенка, за нервы Ольги, Ирина Владимировна обещала.

Только сегодня утром, через ощущение родов, Ольга поняла, что он правда появится на свет, станет отдельным человеком. И будет у него папа и мама. Как же так, говорила себе Ольга через порывы начальных схваток, когда ее окружали врачи и медсестры, как же так, – ведь он отец, у него свое право к этому новому человеку. Эта простая, прямая мысль оголошила ее и стало стыдно, как она раньше об этом не думала. До того ее тревожила забота об их союзе, своих чувствах к Алексею, их совместной жизни. Оказалось, среди этих раздумий не было мысли об отцовском праве, о чувствах Алеши. Он тоже чувствовал, переживал... может, даже что-то подозревал, догадывался. Как же его чувства? Ольга совсем не подумала об этом с его стороны, а смотрела лишь от себя. Это было так просто, даже примитивно, и оставалось удивиться себе – как она не видела такого ясного, простого момента.

ГЛАВА II

1

Когда Алексей повернул в город, Иван Николаевич прошел островок бурьяна, лощину и вышел к большому дачному сектору. Хотелось побыть одному, побродить безлюдными окраинами садовых участков.

Отделенные от города железной дорогой и лесополосой, дачи выделялись заводчанам еще полвека назад. Начиналось всё с энтузиазмом. Рабочие были молоды и полны сил. Своя картошка, огурцы и зелень дополняли дефицитные столы и подсобляли грошовой зарплате. Прошло время, вернее сказать – время ушло, и теперь редко кто в окружении Ивана Николаевича сажал огороды. Домики покосились, частью сгорели, в других выбиты стекла. Дачи растаскивались на металлолом, кирпичи; в других летом жили бродяги. Изредка, кое-где показывались бывшие заводчане в потёртых спортивных костюмах, пололи или копали картошку, резали зелень, ловили на скамеечках солнце. Здесь в изобилии водились куропатки, обирали груши и рябины дрозды, а зимой Иван Николаевич гонял по линиям ушастых зайцев.

Воздух по-осеннему чист. Сады уже потемнели. Заморозков в мае не случилось и теперь округлые кроны ломились Антоновкой. Собирать ее еще рано. Земля усыпана не гнилой еще, наливной Мельбой и запах свежести пропитан медовым духом. Тишину нарушают стайки дроздов на пурпурных рябинах. Где-то стрекочет сорока, мелькая в ветвях белыми погонами и оповещающая об идущем человеке.

Только вот с утра, как не хорохорился он перед Алексеем, не задалось у Ивана Николаевича настроения. Выход на природу сгладил волнение. Но после ухода сына стало Ивану Николаевичу неуютно с самим собой и своими раздумьями. Радость от охоты перебивало смутное беспокойство и волнение – как предчувствие – наподобие того, что испытывала Мария Александровна в дороге.

Заглавной фигурой в его раздумьях служил Алексей. Иван Алексеевич вспоминал – в шепотной молодости, в суровом труде думалось: сейчас наработаем, основу скуем, забетонируем, и легче будет, а околеем – семья в достатке, и детям увереннее, крепче жить в их новой молодости, не то что ему. И всего того – не случилось. Капитал с их зарплаты не скопился, а после обокрали разом всех – хорошо это мы помним, господа, пока живы – не забудем. Легче не стало – ни им, ни детям – нет уверенности и нет покоя. Начались годы выживания. За каждый день дрожишь, знать не знаешь что будет. Беспокойство нарастает, нервность в людях, а следом – у одних слабость и бессилие, у других – злоба. До чего до жил – везением считал, что семью сохранил, о большем и не думал. Маша – опора, нежность его. Алексей. Когда он вырос, Иван Алексеевич стал жалеть, что ребенок один. И не мог ответить, почему так вышло. Сколько борьбы, усилий в пустую. Не заметили времени. Нет у Алексея братьев – соратников, сестер – утешительниц. Глянуть по правде – и семьи нет. Это жаль было, в семье сила – видел Иван Алексеевич. У него самого – братьев трое и сестер пара. Разворотило всех, разметало по стране – то правда; но всё ж крепко, дружно в молодости жили, помнил он что бывает семья. Смотрел Иван Николаевич на всю жизнь свою, чем дольше жил, тем чаще смотрел со стороны и выходило – не удалась жизнь. В целом, в общем как-то не удалась. Кажется – хорошо, неплохо, все живы-здоровы, не голодают, чего желать еще. А не так всё как-то. Иначе ему виделось.

Ударом для них с матерью стал разрыв Алексея и Ольги. Иван Николаевич осторожничал, не вмешивался, боясь навредить, переживал тяжело и незаметно. Ольга им нравилась и со сватами они ладили. Оборвалось всё разом, вдруг и неясно. Порой казалось – и Алексей

до конца не понимает. Исправить не получалось. И в этот приезд Иван Николаевич видел – Алексей сам не свой, переживает до сих пор.

Дело шло к обеду. Над головой прошелестела стайка пуганных дроздов, впереди озабоченно стрекотала сорока. На очередном повороте он услышал необычный шум и грохот с крайнего ряда дач, будто там что-то ломали. Иван Николаевич подошел ближе. Снова что-то грохнуло. Мальчишки, наверное, подумал он. Шпана с окраин любила шерудить по дачам в поисках цветмета и выпивки. Дамик откуда слышался грохот был из капитальных, кирпичный, на редкость ухоженный. Есть что стащить. Иван Николаевич думал разогнать шпану. Он бы не пошел, ну их, дураков. Да сколько ж можно растаскивать, грабить всё, рушить? Посреди бела дня!

У домика мелькнула темная фигура. Охотник бывалый, подходя Иван Николаевич разрядил от греха ружье, зашел в калитку, кликнул:

– Эй, кто здесь?

Тихо. Прошел вдоль стены, свернул за угол. Дверь.

– Чего шумите! – крикнул.

Навстречу из дома вышел мужик его лет, в потертом ватнике, спортивных штанах. Странный. Темное, словно чумазое, лицо. Иван Николаевич немного растерялся.

– Вы чего тут, дом ломаете?

Мужик молчал и смотрел не него. Иван Николаевич сдернул с плеча ружье. В окне дома увидел второго. Совсем молодой, худой и чернявый.

– Чего грабите! – крикнул Иван Николаевич первому. – Милицию вызвать?

– Тихо дядя, – голос сзади.

Третий, подумал Иван Николаевич. Сколько ж их здесь?

– Не дергайся, – повторил голос из-за спины.

– Мужики, я ж вам ничего, – Иван Николаевич примирительно опустил ружье. – Спокойно.

Первый, в дверях, дернул лицо в улыбке, будто в оскале. Мелькнуло что-то в черных его глазах, как искра вспыхнула. Не к добру, – подумал только Иван Николаевич, и тут что-то с отчаянной силой ударило его сзади, и всё пропало.

2

Чтобы ни было в чувствах и мыслях Алексея, безразличная к нему общая жизнь шла своим чередом. Жители дрессировано откликались на эхо далекой войны, реже – на внутренние дела навроде Крестного хода. Теревили заботы каждого дня о тепле и хлебе, срочности, распоряжения. Важные для страны события и волнения утопали в повседневности. Никогда еще наша хата не была настолько с края. Скажут – блаженная болотина, суета и скука. Но это был тот необходимый уклад, где всё копошились для продолжения биологического существования, не имея сил изменить условия. Словом, шла обычная жизнь.

Со стороны Алексей не был похож на того, кто ходит в театры (ходит один), да еще после охоты – и вообще дикость, нестыковка – и прочитай он такое в книжке, вот вам крест (или зуб отдай), не поверил бы. Он сам с усмешкой раздумывал об этом. Ты же слишком обычный, говорил он себе, ты же из этой общей безразличности, что копошится сама по себе, и нет ей дела. При всем том он ходил в их крохотный местный театр в каждый приезд к родителям едва не со школы, точно это была добрая привычка, которая напоминает старикам о молодости.

Алексей знал большую часть труппы из молодежи. Не глядя на копеечную зарплату, они не уезжали, как сам Алексей, работали, ставили порой смелые, хваткие спектакли. Директора Веру Петровну он называл про себя подвижником и шутил, что ей нужен памятник при входе поставить. Лет пятнадцать как она стала основателем театра и служила второй матерью юным актерам – школьникам и студентам.

Горожане их сразу полюбили, театр – редкость в малом городе – стал многим отдушиной в общей серости. Маленькая, бойкая, в годах, Вера Петровна собой загораживала театр от скороспелых реформ и кляуз завистников – беспокойно нашему человеку когда у соседа порядок в хозяйстве – хочется наворотить справедливости. Директорство состарило и закалило ее – давно, в годы беспорядка приехавшую сюда заниматься театром.

Как и всегда перед вечернем спектаклем, директор находилась в холле и встречала зрителей. Вере Петровне было важно посмотреть кто пришел, что за публика. Стреляя озорным взглядом по холлу, она зигзагами передвигалась между зрителями. Сразу схватила Алексея за руку, как своего, чуть улыбнулась, ничего не говоря – точно подтверждала его участие в клубе – наш, свой, спасибо, не забываешь.

– Как вы? – спрашивал он скорее про театр, чем про нее.

– Замечательно, – всегда одинаково отвечала Вера Петровна.

– Как премьера? – Алексей называл это «включить культуру», «приобщиться», неумело поддельная образованность.

Было весело пробовать вообразить себя солидным, с оттенком XIX века на лице в этом холле с советской мозаикой на потолке, маленькими ампирами колоннами и даже крохотным портиком над входом зал.

Вера Петровна неизменно подыгрывала:

– Положение хуже губернаторского. Рискнем не соврать.

– И есть достойные идеи?

– Идей – пропасть. Средств нет, одни идеи, – директор сделала выражение.

– Актеры лютуют, запрашивают оплату в час?

Выдержала лицо:

– Ох эти актеры... Видели бы вы каких мы девочек в прошлом году набрали прекрасных.

Алексей напряг мозг, чтобы не вывернуть пошловатое:

– Чертами небесными и голосом нежным?

– Гением! Гением чистой красоты. И свежей каплей юного таланта.

– Давно подмечено, Вера Петровна, чем грязнее немытая Россия, тем краше девичий румянец. Парадокс!

– Или фатум, – парировала она.

– Настроения, смотрю, у вас тут не очень, – Алексей подумал, что они накидали всего в кучу и диалог не сложился.

– Вы отстали от театральной жизни. Настроения никому не интересны. Скорее наличие автомата под кроватью.

– Или за кулисами?

– За кулисами у нас кое-что поинтереснее: дыба, колесо, кандалы.

– Для зрителей?

– Зачем. Для актеров.

Хорошо было раствориться в этой приятности. Он ощущал себя немного другим. Появлялись непривычные мысли, отходили суета и волнения. Алексей находился внутри чего-то отдельного от остального города, здесь было иначе, словно общие законы согнуты под другим углом, как если бы здесь менялся градус брожения. В этом «включении в XIX век» Алексея было что-то отдаленно искреннее. Точно всем им было нужно начать так говорить, иначе думать, забыть что вокруг и сделать вид, что все они уже научились жить и не завязли в прошлом.

Веру Петровну позвали за кулисы – снова что-то не было готово. Она еле заметно нервно дернула лицом и быстро вышла. Алексей побродил по холлу, поглядел на старорежимных зрителей. Знакомых в театре он давно уже не встречал. Пройдя в зал, Алексей сел в любимый третий ряд, огляделся.

На сцене обстановка тоже была военная – стояли четыре старинные железные кровати «с шарами», небольшой струганный круглый стол и несколько венских стульев. В холле послышался третий звонок. Не спеша, будто нехотя, погас свет.

3

Блестящие металлом кровати на фоне темной стены, за сценой гремят взрывы (красные отсветы), тревожит сирена в ожидании бомбежки (становится светлее), на кроватях силуэты четырех девушек.

Удивительное, в чём-то химическое свойство организма – безошибочно выделять красоту, в секунду узнавать то самое по еле уловимым росчеркам. Она играла раскованно, свободно. Роль вольная, чувственная. Едва не подросток – лет шестнадцать-семнадцать, с ясными большими глазами и волнующей густотой пшеничных волос. Именно так, по-книжному банально. Лицо азартное, игривое — бодрящая свежесть летнего утра, девичья радость молодого дыхания, без намека на задумчивую усталость. Где в нём эта энергия, это буйство радости от каждой минуты? Он почти завидовал ей. Радостное, упругое напряжение тела когда она двигалась по сцене. Сколько полудетского чудачества, юной силы, без раздумывания о том, правота это или нет, а этой молодой силой двигающей, имеющей правоту в существе своем. Совсем девушка, и еще раз банальное – хрупкая и прелестная, иначе не сказать.

Живой, забытый ребячий восторг внутри растопил что-то заиндевелое в нём, просветлил мысли. Наслаждаться одними глазами, внимать нетронутому образу. Какая свежесть, какая живость, какая игривая легкость! – валы прародительских штампов проносились у Алексея в голове, точно он не прекратил «включение в культуру» и теперь играл сам с собой. Вот уже правда – чем хуже дела в отечестве, тем красивее женщины.

Свою Ольгу он встретил с умеренной душой и лишь в минуты бодрящей ревности или откровения взволновано ухало в груди. В такие редкие моменты Алексей слышал, как не разучилось биться сердце, как вырастает легкое, воздушное в нём – из того, что призвано очеловечивать. Так было в начале жизни Алексея с Ольгой, он чувствовал ее, чувствовал себя. С их разрыва душа затвердела, сердце затихло, как покинутое жилище, сокращалось где-то само по заведенному биологией порядку, отдельно его чувств. Внутри установился молчаливый покой. Политическая стабильность на примере одной души.

И вот сейчас от девушки со сцены пахнуло оживляющей радостью. Всё это происходило в Алексее в первые минуты спектакля. Персонажи пьесы – четыре девушки на войне – что-то обсуждали, спорили, начинали закручивать сюжет. В один момент девушка вынесла гитару, вышла вперед и глядя в зал, точно на самого Алексея, и неторопливо, протяжно запела:

*На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит.
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит...*

Да нет же, какая она девочка, – подумал Алексей, как только актриса вышла на край сцены с гитарой. Чуть вздернутый подбородок, горделиво выпяченная губа, блеск желания в глазах. Да, блеск, именно блеск здесь главное, – смотрел Алексей на нее – блеск азарта жизни, нежность, переходящее в женскую самость. Так случается впервые, когда она в глазах напротив чувствует, что может больше, может овладеть. И весь куплет песни – он не сомневался – она будто бы смотрела на него и только на него, не видя ничего в темном зале. Пела гладко, протяжно, неожиданно грудным голосом и не раскачивая слова. Столько желания жизни в этом голосе. Вся правда о ее чувствах, о ее молодой силе вместе со словами песни выходила из ее груди. Как волнительно дышала эта грудь, трепетно покрывалась мурашками юная кожа, волосы, лицо – всё вызывало в нём волнение. Алексей чувствовал ее движения, скользил взглядом по изгибам тела. Представлял нежное прикосновение этой чуть выпячен-

ной губы, как находит волнительно бьющуюся жилку на шее. Как прикасается к ее плечам, проводит пальцами по узкой длине спины в узорах тонких мышц и бугорков позвоночника, осязает ее тепло, ласку кожи, обоняет свежесть груди. И казалось, он вправду может коснуться этой красоты, он всё готов отдать за это – ничего не нужно – прикоснуться, завладеть, почувствовать всем нутром своим что есть в ней, в ее теле, всё что взять из ее блеска глаз.

Алексей вспомнил похотливое желание к пассажирке утром. Ее некрасивое толстое лицо в рассветных сумерках, черную мятую одежду. Какая пропасть между ними, словно эти женщины созданы разной природой. В красоте девушки на сцене и в притягательности этой красоты – блаженный, незнакомый ему дар. Когда она запела, Алексей увидел, как что-то в желании ее – горячем, остром – начинает меняться. Словно он лежит на жарком пляже, смотрит в холодное небо и чувствует пустоту. Дышит, замирает, вырастает в песок. Теплая, ласковая волна накрывает его и уносит. Он нежится в теплой воде, несется с волной и чувствует как отогревается и начинает шевелиться его нутро, как вздрагивает и гулко бьется сердечная мышца в груди. То самое случилось с Алексеем сейчас, в темном зале театра, и для этих чувств не нужно было пляжа и моря.

Что же это за радость такая? – Алексей смотрел на нее с распахнутой душой. Поймал в себе мысль, совсем случайной, точно эта мысль пролетала где-то рядом в космосе и зацепилась за его сознание. Мысль эта была в том, что людям можно жить хорошо.

Девушка на сцене продолжала говорить свой текст, передвигаться, о чем-то рассуждать и спорить с другими актрисами. Она снова пела, тот же самый куплет, снова выходила вперед, смотрела в зал, словно пела не зрителям, а всей природе, и тогда окружающее исчезало, Алексей словно проваливался в пространство ее голоса.

Он не мог и не хотел сопротивляться этой силе. Лишь снова проскользнуло по краю сознания, что не помнит, было ли такое с ним когда. С Ольгой было, когда он любил ее, улыбался ее красоте, ее нежности, только всё это придавила тяжелая плита долгих месяцев, и вот сейчас расцвело нечто новое, светлое. Ничего специально он не делал, только позволил этой радости войти в себя, открылся ей навстречу, ожидая, когда это новое поглотит его и будет всё сначала – новая попытка в новый день, каждый день в попытке дотянуться до этого и ощутить в себе.

4

Легкость ветра, скромный луч через обидчивые облака. Небо, снова небо! Ветер-друг – движение воздуха от перемены давления атмосферы – вспомнилось Якову из школы – такой еще недавней, но такой далекой. Вот уже три дня он дышал и не мог наддышаться. Слышался в этом отзвук из школьного: «Ты хочешь знать, что делал я на воле?». Как они вырвали себя из затхлого подземелья, норы из железа и бетона, с минуты как он освободился от этих звериных рож, этих бычьих морд. Свобода. Как вольно! Всё ж человек рожден свободным. Когда-то это записали и создали нас. И не нужно глупых дополнений и уверток, абсолютных законов, где написано всё, что желаешь. Ты родился здесь, в природе, тебя так создали и все это для тебя.

Они шли окраинными улочкам и пусть городок – вша паршивая, юродивое смешение битого асфальта и косых заборов – ничего, это мелочь. Это свобода. И никто не покусится, никто, Богом клянусь, пока жив, не отнимет. Вот за что стоит бороться, биться стоит. Одного уже побороли, Яков поборол, спас свою новую свободу.

– Чё Дух скорчился, словно бабу голую зыришь? – дернулся к нему Иван.

Ишь ты, молчком в ответку, только глазом сверкнул. Перебор зубоскалит лох этот, видать зубы лишние выросли. Духу хорошо, башкой в трубу улетел, мозги набекрень и всё трень-трава. А Ваньку, каково? Сутки, считай, не жрамши. До города рукой подать, расчет был сразу раздобыть чё, а завяз раньше вышел, и все их уговоры с охранными псами полетели в тартарары. Батя выручил, как не раз уже. Крепкий батя у него, вытащил их. Четыре года – не, ну вы пораскните мозгами-то своими – четыре, нахрен, года! И благо батя под боком, а то первый год совсем худо Ивану выходило. Эх, как жрать охота. Они аж слабеть начали. И всего, всего попробовать нужно, чего лишен был так долго. И бабу, бабу срочно ему. Молоденькую, пухленькую, губастенькую. Хоть как Маринка его последняя. Во была! Жар-баба. Хорош был последний раз, ночью-то, после бухаловки у Серого. Как вспомнишь, аж скулы сводит. Темень – глаз коли, брошенная такая детская площадочка в кустах – ржавые качельки, лесенка в землю вросла. Как он ее, как! Взвыла аж. Словно чуял, звериным чутьем своим, что загребут его поутру. И в дерьме этом, без бабы, четыре года... Вот наказание-то истинное. Но ниче, ниче, Ванёк свое возьмет еще. Сколько на посылках шестерил, сколько на поклоны бегал. Нет теперь воров, нет блатарей, нет ментов над ним. Батя подмога ему. И он, Иван, возьмет свое. Никакая вша поперек не пикнет.

– Глядь, Ванёк, магаз на углу зыришь? – сщурился Бугор.

– Вижу, Бать. Чо, загребем шо ли? – заржал Иван.

– Хорош тюльку гнать. Дела наши плевые. Ванёк, гони в магаз, гляди в оба, чурка, как охрана, кто на кассе. Воды купи для виду, – Бугор выудил из кармана мятый полтинник.

Утек Ванька. Эх, не спокойно у Бугра в дышалке. Не по норову всё это. Зря в город сунулись. Одни фраера. Но как тут? Эти лохи еще вчера взвыли с голодухи. Иван – сопля – за столько лет на зоне и крупицу уважухи не заработал. Гнули его как хотели, если б не Бугор, опетушили б давно. Благо, у Бугра всё схвачено, перевели к пацану. Этому баклану совсем бы не попадать, он Бугру на воле нужен был. Погорел, как лох последний – золотишко сняли с бабы в подворотне. Хоть заломить ее не догадались. Племянница прокурора оказалась. Дали семь лет. И когда неделю назад, без подготовки, без запаса, Бугор решил срочно уходить, Ванька решил брать с собой. А то крышка. Да не про то он: зря они в город сунулись. Вид сильно обтрепанный. Шмотками б обзавестись, да не с руки. Правда, ствол теперь есть, у Бугра в узле,

по заточке у каждого, а у Бугра еще и нож, добротный, рабочий. Стой Бугор, не о том всё, за лоботрясом своим смотри, не выкинул бы чего.

– Чистим магаз и уходим из города, – Бугор проверяюще взгляделся в Духа.

Этот еще тут увязался.

– А, че? – Дух смотрел куда-то вверх и словно очнулся.

– Ты че, сучонок, зеву растопырил, – двинулся на него Бугор. – Заметут на раз-два. Тут мусоров как крыс.

– Спокуха Бугор, всё чисто. Заворачиваем магаз и уходим. Пожрать бы и нормуль.

И откуда такие берутся? Ниче сами. Никакого расчета на них. Надо б мозгами пораскинуть. Утром на дачах встречу не ждали. Но вышло как вышло. Оно как поглядеть. С одной стороны ствол, с другой – всяк. Если не заметут – вот главное. Так что уходить надо.

Вернулся с водой Иван.

– Чухня, нет никого. Одна бабка за прилавком. Мусоров нет.

Бугор еще раз повторил им. Валим кассу. Продавца не трогаем. Брем пожрать и уходим.

5

Не задалось утро Марфы Игнатъевны. С подвозом опоздали из-за Крестного хода, товар пришлось принимать и утренних кого обслуживать. Хотя покупатели у нее вышколенные. Знают как с ней надо – чтоб и в долг шкалик когда надо записала и отложила когда дефицит. Забавное какое словечко – дефицит – молодостью отдает, незатейливостью. И она с покупателем знает как – полжизни за прилавком. Контингент давнишний, стабильный, за счет них магазин только и держится – по большей части местные алики – тоже словечко доброе, из пионерской комсомольности – да из рабочих кто на скорую руку взять. Бузят, правда, временами. Нечасто, хотя случается. Свои когда ладно еще, сама разокогреет скалкой, угомонятся. Хуже, когда молодежь. Борзые, без краев. Эти пить не умеют, разойдутся – не остановишь. И полки ей рушили и товар били, и холодильник раз даже. На такой случай у Марфы Игнатъевны кнопочка есть. Владелец еще весной поставил. Хоть и татарин, а с местными ладит. Раньше Паша брюхастый сидел, из бывших ментов, как и все они. Гонял аликов и сослуживцев вызывал по надобности. А после кнопочку поставили. Служит верно, да и участок через квартал, за углом, ехать минуты три. Кнопочка неприметная, под столом, у кассы. Сколько раз выручала – этот орет себе, а ты стоишь себе за прилавком спокойно. Заходит наряд и забирает. И пикнуть не успеет. Так что с учетом запойных – самое оно. Особо как вести с войны начнут перемалывать да раздывать, бомбежки там, заваруху какую или гробик очередной привезут, пройдут с оркестром для пышности – так, верно, жди на вечерку гостей.

Последние месяцы и те землячки прикладываться стали, о ком она думала в последнюю очередь. Как тот же Володя, из служивых, даже из секретных каких-то, а нынче учителем рисования в школе. Невысокий, с пролысиной, крепкий мужичок. В молодости за границей служил, как выпьет – по-иностранному бормочет. В отставку вышел (шефа его сняли) – а куда податься? На руках две дочки – и пошел в учителя. Но и здесь у него всегда порядок и уважение. Только вот заходит к Марфе Игнатъевне с неделю назад – как раз передали по радио – где-то в пустыне (народ там в жаре живет дикой) попали бомбой в госпиталь для беженцев, и новости все показывали какого-то чумазого мальчугана лет шести, слою пыли и крови покрытого. Так вот заходит Володя к ней, пузырек просит, и видит она – глаза у него тяжелые, пепельные, словно земли в них насыпали, лысина торчит, обмылки волос растрепаны. Уж принял хорошо, думает Марфа Игнатъевна. Ты бы, Володя, поберегся, говорит ему улыбочиво, матерински (как умеет еще, слава богу). А он натянулся вдруг всем лицом, да как зашипит – не лезь баба не в свое дело. И вот такое едва не каждый ее горький денек. А пуще того как призыв. Призывают помалу (только вот зачастили что-то), зато провожающих много. Как ввалятся толпой, пьяные уж все, хоть беги. Хватанет какой-нибудь бритый призывника (тоже бритого) за грудки, да как заорет – эх, Сережа, последний раз, может, пьем! Не поминай братву лихом! – вот страху-то! Так и думаешь, разворотят сейчас всё.

Эта троица ей сразу не понравилась. У Марфы Игнатъевны глаз на таких. Молодой, шустрый, заходил уж перед этим, че-то всё зыркал по углам, бутылку воды взял. Что ж она, Марфа Игнатъевна не знает – такие воду не берут, такие из колоночки попьют, что через дорогу. Другой, бритый, шустрый, зубы свои черные всё кажет. И одеты не по людски – в обноски какие, точно спецовки с завода утянули старые. Да и морды не здешние, чужие, со степной азиатчиной. Сами лыбятся, да так, что хорошего не жди.

Магазинчик Бугру не понравился – на видном месте, на перекрестке. Правда, охраны нет. Так, забегаловка для местных фраеров. Завернули, огляделись бегло. Быстрее только, быстрее нужно, повторял себе Бугор.

– А чего-то у вас в округе народу нету как-то? – осклабился.

– Крестный ход в городе, да праздник, – чего эта убогая бабенка хмурится на них? – Но заканчивается уже, скоро пойдут, – говорит спокойно, да подозрительно. Резче надо, резче. – А вы что, не здешние?

Ну вот, начинается.

– Нет, – надо оглядеться последний раз, – залётные.

– Как же вы ко мне попали? – не понимает. – С этой окраины и въезда в город нет никакого, дачи да поля.

– А мы, бабочка, пешочком, пешочком, – Бугор боком приблизился к ней.

Резко схватил ее за шею и приставил заточку к горлу.

– Молчи да слушай, сука старая. Не трепыхайся и выворачивай кассу. Дух, мешок! – крикнул белобрысому.

– Бать, пожрать собираем? – откликнулся Иван от полок с продуктами.

– Только шнуром!

Иван соврал у кассы пакеты и начал скидывать в них консервы, колбасы, водку.

– Чего стоишь? Не врубилась? – Бугор толкнул продавщицу.

В первые секунды та словно онемела и стояла неподвижно, вылупив глаза. После очнулась – без крика, без истерики. Медленно подошла к кассе, открыла лоток с деньгами.

Выручки с утра было чуть, Бугор злился на это. Отдавая деньги, продавщица злобно глянула на Бугра, буркнула что-то. Бугор совсем того не ждал, думал будут сопли, вытьё. Надвинулся на нее:

– Ты чего, дрянь, смотришь? – поднес заточку к глазу. Стальная матовая игла у белого, с желтыми прожилками, яблока. Это мало кто выдерживал. – Глазенки лишние?

– Ничего я не смотрю, спокойно давайте, – ответила она вдруг в тон Бугру и снова из глубины старых, кажется, видевших всё зрачков, глянула злобно.

– Да ты чё? – Бугор снова схватил ее за шею и отволол от кассы. – Страх потеряла?

– Ничего, ничего, – продавщица согнулась, подняла руки. – Спокойно вы. Забирайте и уходите.

– Ты кого успокаиваешь? – придавил ее Бугор. – Иван, собрал? – крикнул в сторону полок.

– Да кажись.

– Все, пакуемся.

Бугор глянул на Духа у кассы.

– Готово, – похлопал тот себя по за пазухе.

За окном заскрипели тормоза, рыкнул мотор. Бугор глянул в окно. Перед магазином на улице стоял полицейский УАЗик, из него выходили двое в форме.

– Это еще чё? – Иван выглянул в прозрачную дверь и обернулся в растерянности. – Это чё, бать, такое? – взвизгнул.

Полицейские, весело переговариваясь, ожидая по вызову раннего пьяного бугая, направлялись к магазину. У того, что помоложе, на груди автомат.

– Это она, бать. Эта старая сука их вызвала, – разделяя слова, говорил Иван и пугливо смотрел то на продавщицу, то на Бугра. – Сдала нас ментам.

Бугор сверкнул глазами и широким, растянутым движением ударил продавщицу по лицу. Она отшатнулась, сделала шаг назад, но не упала. Бугор схватил ее и выставил впереди себя, загораживаясь ей как щитом. Приставил заточку.

Полицейские зашли в магазин и остолбенело замерли. Бугор крепче схватил продавщицу:

– Дернитесь и ей крышка. Руки на виду! Тихо, не рыпаясь, выметаемся из магаза. Если что, я ее прирежу, мне – раз плюнуть, – гаркнул он.

Полицейские очнулись, словно пришли в себя.

– Вы чего, охренели, уроды! – двинулся к ним полицейский что постарше, лет сорока.

Другой, совсем молодой, замерев и забыв про автомат на груди, ошалело глядел то на Ивана с пакетом продуктов, то на Бугра с продавщицей.

– Ты чего, начальник, не пронюхал? Крышка ей сейчас будет! Уходи, не рыпайся, – истерично закричал Бугор.

Старший полицейский посмотрел на продавщицу.

– Ты ничего, Марфа Игнатьевна, ты не бойся. Всё хорошо будет. Не бойся.

И осторожно пятясь, начал выходить.

– Сережа, за мной.

Молодой, вздрогнув, точно повторял его движения.

– Не ерепенься. Не натвори тут дел, – старший полицейский смотрел на Бугра.

– Иди, иди себе, – буркнул тот.

Полицейские вышли, прикрыли дверь. Иван бросил пакеты на пол:

– Батя, это капец. Их тут такая шобла ща понаедет! – в голосе паника, страх.

Дух был спокоен, точно выжидал.

Бугор, ничего не говоря, ударил ручкой заточки продавщицу по голове. Женщина рухнула на пол, толи от удара, толи от страха. Он стал бить ее ногами по полному, рыхлому телу.

– Тварь! Тварь! Тварь! – не говорил, а шипел Бугор, словно вбивал в нее слова.

Остановился, огляделся.

– Дух, ствол собирай резко!

Полицейские отбежали к УАЗу. Старшой махнул Сергею:

– Автомат!

Сергей схватился за автомат и по дрожанию оружия увидел, что руки у него трясутся. Калаш никак не снимался с шеи. Старшой кричал в рацию:

– Всем постам! Ограбление магазина на Кирова! Преступники вооружены, нужно подкрепление!

Сергей наконец снял автомат и едва не бросил его старшому. Тот передернул затвор и вдруг схватил Сергея за подбородок:

– Спокойно, малой. Не дергайся, не вылезай, делай что говорю.

Когда отдал автомат, стало легче, точно сбросил груз. Наверное, он боялся стрелять. Не выпадали еще младшему сержанту такие переделки.

– Оружие приготовь! – косился зло старшой.

Сергей и забыл про пистолет. Достал, передернул затвор, взял наизготовку.

Бугор подошел к Ивану.

– Чего сопли распустил! Все в ажуре будет.

– Да как, бать, как же мы теперя, ща понаедут, – тараторил Иван, подвывая и глядя то на отца, то на улицу.

Дух казался спокойным, даже отвлеченным. Механическими движениями он размотал тряпки и достал разобранную двустволку. Собрал легко и быстро. Подошел Бугор, забрал ружье и патроны. Вскинул стволы, зарядил, примерился.

– Хватай бабу, – обернулся к Духу. – Берем ее и выкатываемся. Ванька, жратва!

Минуты две прошло, рассчитывал Бугор. Пока они бегут, пока заводят. Есть еще момент. Они вышли из магазина. Марфа Игнатьевна под ружьем впереди. За ней Бугор, после Дух и Иван.

– Стоять на месте! – крик старшего полицейского от УАЗа. Он целился в них из автомата.

– Начальник, сам стой! – откликнулся Бугор. – Стой, а то плохо будет.

Бугор думал уходить за город, где знал места. Только он хотел дернуться туда, как со стороны окраины вывернула еще одна полицейская машина.

– Батя, еще, вон, батя, – лепеча, шептал на ухо Иван. – Хана нам.

– Не ссы, Ванька. На зону нам не по пути, – Бугор вскинул ружье и выстрелил УАЗу в колесо.

– Уходим! Резко! – крикнул Бугор.

Бугор швырнул продавщицу. Она с размаху упала на асфальт. Все трое бросились по улице. Бугор бежал, прижав ружье, Дух, сжав зубы, размахивал заточкой, одичало глядя по сторонам, Иван с растерянным лицом, подхватив пакеты. Сзади догоняла вторая машина. Бугор не хотел в центр, оттуда не выберешься. Им бы в частный сектор, где проулки, тупики, да заборы, где тише и затаиться укромнее. Отдышаться и уходить задворками. И там зажать могут, да в центре, среди народа, всегда хуже.

На перекрестке попытались свернуть направо, обратно к окраине. Оттуда на них выехала еще одна машина полиции.

– Окружают! – крикнул сзади Иван.

Бугор от души выmaterился, присел и дал выстрел. Дробь забарабанила по металлу, лобовое стекло покрылось белыми паутинами. Машина замерла на месте.

Еще минуту-две выиграла.

– Уходим во дворы, – зарычал Бугор.

Впереди начинался квартал облезлых хрущевок. Они бросились в брешь между домами. Мелькали кусты, магазины, машины. Навстречу попадались редкие жители. Взять машину? – зажмут. Взять квартиру – грохнут, мелькало у Бугра в голове. Кто-то, завидя Бугра с ружьем, шарахался в сторону, другие замирали на месте, провожали беглецов испуганными взглядами. Какая-то старушка, не разобравшись, разразилась им вслед потоком ругани. Пробежали пяток дворов, затаились в кустах за электрораспределительной будкой. Рядом на детской площадке несколько матерей с детьми. Женщины встревожено глядели в их сторону. Бугор ухнул на землю, отдышался, стал перезаряжать ружье. Здесь только осознал, что два раза стрелял по полицейским. Стрелял-то он по машинам. Но припишут – по сотрудникам. В ментовку теперь нельзя. Сразу хана, всем троим. Иван сидел, оперевшись на кирпичную стену, мелко дрожал всем телом. Бугор видел, пацан вот-вот взвояет шакалом. Упадёт, будет грызть землю, ныть и сдастся. Дух сидел с виду спокойным, заостренным лицом, уперев куда-то невидящий взгляд.

И деться некуда – Бугор понял, что они почти в центре города. Чертов городишко, надо ж так. Не укрыться. Можно бы в какой хате засесть. Но нет, закроют их. И сидеть нельзя, так тут их и повяжут в этих кустах, а потом передушат по одиночке в говеных застенках.

За домом завыли сирены. Иван глянул на отца. Хотел сказать что-то, но только мелко затряс челюстью.

– Уходим, уходим! – бросил Бугор, и они рванули к ближайшему дому. У подъезда стоял подпитый мужик с растерянным видом и слушал сирену.

– Ты! – крикнул Бугор, подбежал. – Из этого подъезда? Ключ! Где ключ, урод?

Мужик рассеяно замычал что-то несообразное и замотал головой.

– Ключ где? Ключ от подъезда? – заорал Бугор, схватил мужика и подтащил к двери.

Тот отмахивался. Бугор швырнул его об дверь. Обтряс карманы, вытащил ключ. Дверь протяжно запищала и не открылась.

– Ключ отсюда?! – бешено заорал на мужика Иван.

Тот мотал головой и мычал с перепугу.

– Сука уродливая, – Бугор осатанело уставился на него, потом с размаху ударил его прикладом в голову. Мужик забарахтался на земле.

Из-за угла показалась полицейская машина и остановилась.

– Твою мать! – заныл Иван.

Бросились от машины вдоль дома. Сзади что-то кричали, Ивану послышался выстрел. Они скрылись за углом дома и выскочили на городскую площадь.

На какую-то секунду все трое замерли перед широким пространством. Справа возвышалось серое здание администрации с флагом на крыше. В центре стоял памятник Ленину, по дорожкам у постамента гуляли горожане. Чуть левее небольшой колоннадой и высокими окнами выступало вперед розоватое здание.

Пацан – что будет с ним? Втопчут сапогами в цемент пола. Разбираться не будут. И всё. Единственный сын. Этих псов он знал. В них его решение. Их выбор прост. Сзади сирена – и пропадать западло и нужно решаться. Бугор махнул рукой и все трое вскачь, будто припрыгивая, побежали к зданию с колоннами.

6

Со стороны виделось – дело этой троицы кончено, – бегло думал Сергей, младший сержант полиции двадцати четырех лет, впервые с начала службы попавший под огонь. Пускай УАЗ надежно прикрывал, но в ушах у него так и стоял звук свинцовой россыпи по кузову под чумовую ругань старшего. И неожиданный, стыдливый страх, слабость в коленках на фоне отдаленного, как нарастающие сирены, понимания – стреляли по нему, боевыми зарядами, с угрозой жизни.

Сергей кинулся помочь упавшей продавщице, когда сзади трубно заревел старшой:

– Куда! В машину!

Старшой прыгнул за руль, бросил ему автомат, продолжая орать матом. Сергей решил, что важно не растеряться и стал предполагать про себя как бы он перехватил бандитов и как должна в таких случаях действовать полиция.

В десять минут бандиты переполюжили половину городка. Все дежурные наряды полиции бросились к ограбленному магазину. В какой-то степени это помогло бандитам. Они уже кинулись в бега, а наряды все съезжались по вызову к магазину. Увидев обстрелянную машину полиции, ошавев от бешенства, наряды летели вслед беглецам. Всё делалось торопливо и с горячностью. Уже в первом сообщении старшего о бандитах прозвучало «заложник» – о продавщице. На такой сигнал у наших какая-то звериная реакция. Ограбь, убей в драке – дело ясное, пусть страшное и невозвратное. Известие о заложнике – другое. Кто-то, может твои родные, близкие, в опасности смерти. В спасении заложников всегда есть героическое – спаситель рискует собой за других. Это всё так кажется со стороны (когда до дела не дошло и явного риска нет). Всё же, патрули по которым стрелял Бугор попадались на их пути менее всего ожидая, что будет стрельба. И старшой возле УАЗа и вторая машина были не готовы. Такое у нас случалось ли? И старики не вспомнят. В обоих случаях полицейские не то чтобы испугались, – размышлял Сергей когда они прочесывали дворы в поисках беглецов, – а скорее застыли, оцепенели, пугаясь и не торопясь догнать беглецов.

В своем спокойствии Дух угадывал бездну впереди. Словно бы неведомое чудище развернуло перед ними пасть и ожидало их. Как люди на самом краю, действовал он механически хваткой и решительно. Причина этого сочеталась с чувством необъятной воли, что захватило его уже как более двух суток, с минуты побега, овладело им и подчинило его мысли и волю. Дух не мог позволить схватить себя, растоптать его свободу.

Проснувшись сегодня затемно на той даче, Дух вышел на улицу и впервые за годы вместо бетонного потолка увидел холодное звездное небо, в котором хотелось утонуть. Звезды, яркие и близкие, протяни руку и возьми двумя пальцами вон ту, что чуть отдельно от других приклеилась к небу. Тогда Дух поклялся кому-то там наверху, что не потеряет свободы. После опустил глаза и будто заглянул в себя, в темное нутро неведомой черной глубины; поклонился другому, кто восседает там на троне из костей, и поклялся о том же – сохранить свободу, любой ценой.

Дух был готов отдать себя кому угодно, лишь бы было так. И в то же время был готов напасть на магазин ради еды. Он не знал разницы – обойти город или идти через него, это не мешало его свободе. И когда появилась полиция, он был готов. Дух уважал Бугра, знал, что тому в тюрьму нельзя. Потому и бежал с ним, видел, Бугор за Ивана пойдет на всё. Дух решил, что если Бугра убьют, возьмет его ружье и будет отбиваться сколько сможет, а кончатся патроны, будет колоть заточкой, и убьет сколько нужно для своей свободы. Потому он делал всё легко и верно. И когда бежали, Дух бежал впереди, размахивал крепко сжатой заточкой.

Высокий и бледный, с натянутым, точно маска, лицом, готовый кинуться на любого, он даже больше распугивал прохожих, чем приземистый Бугор с ружьем.

Продавщица Марфа Игнатьевна не пострадала. От чего-то была уверена, что не убьют, не нужна она, и верно – отделалась ссадинами. По нашей жизни главное – не высываться, знала она. Вцепившись в землю при стрельбе, дождалась когда троица убежит, как кинутся за ними машины полиции. После встала, отряхнулась, поглядела в сторону где скрылись бандиты. Кряхтя и шаркая, вернулась в магазин и стала разбирать беспорядок. Ждала полицейских давать показания, но через час и два никто так не появился. Еще чудно – до самого вечера не прошло ни единого покупателя. Марфа Игнатьевна, возмущенная невниманием, позвонила в полицию, где ее резко обрезали тем, что не до неё. Это окончательно расстроило продавщицу. Она закрыла магазин и ушла домой. Жила Марфа Игнатьевна на самой окраине, считай за городом, в крохотном домишке, что остался от отца. Состряпала поесть. Приняла на грудь пятьдесят для успокоения. Никаких радио и телевизоров не слушая, обиженно хмыкнула и легла спать.

Следователь – чужак, не из наших, в дорогом черном костюме, с каким-то гладким лицом и скользкими неуловимыми глазами – появился утром и был к Марфе Игнатьевне невнимателен. Осмотрел магазин, лениво выслушал ее возмущенный рассказ. Марфа Игнатьевна на это злилась, но виду не показывала, потому как знала всё с раннего утра, когда новости (да какие новости – потрясения невиданные в их местах) пронеслись по городку. Но ожидая полицию, на площадь, как все, не побежала, а пошла к себе в магазин. Словом, для Марфы Игнатьевны всё осталось по-прежнему, а единственное за много лет приключение с бандитами и стрельбой обернулось пшиком. И только после, во многих, развернувшихся на месяцы пересудах, слухах и официальных заявлениях властей, во время скучных допросов, на соседских посиделках и даже двух интервью – местной и областной газетам (экой невидалью в небольшой жизни Марфы Игнатьевны), напрягаясь от странной гордости, она усердно напирала на то, что началось всё, конечно, с ее магазина, и будь полицейские посмелее и точнее в перестрелке, тут же бы всё и кончилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.